

Одесса

Ирина Лобусова

**КОРОЛИ
МОЛДАВАНКИ**

Харьков
«ФОЛИО»
2016

Одесса, 1916 год

ГЛАВА 1

«Золотой гусь» из Нижнего Новгорода.

Окончание обеда в кафе Либмана на Екатерининской.

Привоз, или Особый одесский мир.

Начинка в пирожках

Скототорговец средней руки из Нижнего Новгорода сидел в кафе Либмана на Екатерининской улице, с наслаждением опираясь локтями о парчовую скатерть. Жаркое полуденное солнце поливало раскаленными лучами палевые стены с золотистым орнаментом, хрустальные светильники, обитые желтоватым бархатом диваны, белоснежные занавеси, паркетный пол. Торговец крупным рогатым скотом пребывал в самом благостном расположении духа.

После утра на Одесской бирже, где ему все же удалось заполучить нескольких племенных быков-производителей со знаменитого завода в Аккерманском уезде, он имел долгую беседу с директором банка, который пообещал ему

всяческое содействие в проведении этой сделки и в переводе векселей в банк Санкт-Петербурга. Собственно, породистые быки и привели его в Одессу договариваться с заводчиком, слава которого гремела по всему югу.

Сделка состоялась к обоюдному удовольствию обеих сторон, и в ближайшее время племенные красавцы должны были быть погружены в товарный вагон и отправлены в Москву, а оттуда уже личным транспортом скототорговца доставлены в родную Нижегородскую губернию. Дела с банком тоже оказались весьма успешны. Словом, ничто не препятствовало солнечному, яркому расположению духа приезжего торговца, такому же яркому, как знаменитое одесское солнце, в лучи которого, такие необычно теплые по сравнению с прохладным тусклым светом его родного солнца, торговец влюбился с первых же минут пребывания в этом городе. К тому же сразу же, как только он появился в Одессе, его не покидало ощущение праздника, пьянящего, как глоток молодого, невыдержанного вина, сразу ударяющего в голову.

Этот город и сам был праздник! Здесь торговцу нравилось абсолютно всё — начиная с утренних деловых встреч и заканчивая вечерним променадом по нарядной, как барышня, Дерибасовской, притягивающей толпы праздно гуляющих. Одесса жила своей собственной бурной жизнью, расцветающей полным цветом, когда зажигались ночные фонари.

Скототорговец путешествовал много, но нигде не видел ничего подобного! Эта нарядная толпа, заполняющая улицы вечернего города и террасы летних кафе, источала веселье, словно пьянящий аромат духов, и этому очаровательному аромату нельзя было не поддаться!

Казалось, что здесь никто не думает о делах. Все эти дела решались с легкостью, быстротой и какой-то непо-

нятной, изящной живостью, совсем не похожей на томную тягучесть тугодумных московских контор. Здесь соображали быстро, все схватывали на лету, и тот же директор банка, едва скототорговец заговорил о своем деле, с живостью, почти молниеносно, с ходу предложил самый лучший вариант для его сделки — не забыв, понятно, при этом свой собственный интерес. Сделка с векселями, причинявшая скототорговцу немало неприятных минут, по дороге в поезде при обдумывании, вдруг превратилась в легкий пустяк, почему-то напомнив ему бокал изысканного французского шампанского, каким угостил его директор банка после заключения договора.

Действительно, Одесса была похожа на распустившийся цветок. Здесь хотелось наслаждаться жизнью, отбросив все печальные и серьезные мысли, не думая ни о чем.

Вечер первого одесского дня, после головокружительного успеха в делах, скототорговец провел в одном из кафе-шантанов на Николаевском бульваре. Он пил шампанское до поздней ночи, бросал мелкие монеты цыганам, вдыхая соленые капли, долетавшие от близкого моря.

Остаток ночи он провел в одной из небольших гостиниц, во множестве разбросанных по Дерибасовской, в компании некой темноволосой Изольды, совершенно покорившей его своим умением пить шампанское — не пьянея — и бешеным южным темпераментом. Он сомневался, что ее зовут действительно Изольда, но это не имело никакого значения. Кожа ее была оттенка темного меда, и какие же огненные чертики плясали в ее глазах! А что она вытворяла в постели! Он, степенный отец четверых детей и член попечительского совета местной гимназии, никогда прежде и не подозревал о таких вещах! Изольда заставила его совершенно потерять голову. А прошлая

ночь осталась таким невероятно ярким воспоминанием, по сравнению с которым меркли все остальные...

Думая о страстной Изольде, скототорговец пригубил терпкое золотистое вино местного урожая и с удовольствием отломил запеченную корочку хлеба, поданного к обеду. Затем принялся с интересом разглядывать местную публику.

Здесь, похоже, собирались люди с деньгами. Вон стайка нарядных барышень — они выглядят такими красотками, что глаз не оторвать! Но тут нужна осторожность, это не Изольда из кафе-шантана — видно, что барышни приличные. А вон, за соседним столиком, явно богатый купец с дамой. Дама, конечно, не из благородных. Но манерам обучена. Потягивают дорогое шампанское, радуются жизни, как и все в этом городе, словно нет здесь и никогда не было никаких проблем, словно и войны не было.

Наслаждаясь ослепительно-красивым солнечным днем, торговец даже не догадывался о том, что именно он был предметом разговора двух официантов, которые, как говорят в Одессе, пытались «выставить золотого гуся» — то есть получить как можно больше чаевых. «Золотым гусем» при этом был, разумеется, клиент.

Вернувшийся с перекура официант, который обслуживал скототорговца, просто остолбенел, когда увидел, что его шустрый наглый коллега несет клиенту уже вторую бутылку вина. Упершись руками в бока, он громко прокомментировал:

— Грандиозный шухер!

Это означало не что иное, как открытое начало боевых действий. И действительно: едва наглый официант скрылся в служебном помещении, первый уже поджидал его там.

Разговор их был кратким, но колоритным.

— Кто-то имеет держать мне за фраера?